

М. А. Шабанов

аспирант,

кафедра политологии, Институт социальных наук,

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

ул. Центральный аэропорт, 9/17, г. Одесса, 65036, Украина,

761-62-27, +38 050 1410868.

ЧЕЛОВЕК ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАК СУБЪЕКТ И ПРОДУКТ ТРАНСФОРМАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Проблема становления человека политического в пределах государства, общества на стадии трансформации остается приоритетной. В работе частично рассмотрено два общих взгляда на эту проблему: традиционно-консервативный и либерально-демократический. Рассматривая их, можно прийти к выводу, что на отечественном пространстве существует следующая антиномия двух типовых модификаций человека политического: “государственник” — “игрок” (или “компрадор”). Кризис демократии западного образца, отсутствие у политиков ответственности за собственные действия обуславливают пересмотр предвзятого отношения к развитию политико-антропологической парадигмы в современной политической науке и практике. Человек является не только субъектом политического процесса, но и продуктом деятельности общества, инстанцией ответственности за ее последствия.

Ключевые слова: человек политический, антропологическая парадигма, трансформация, интеграция, “государственник”, “игрок”, “компрадор”.

Политико-антропологическое направление современной политической науки — это, безусловно, малоизученный сегмент научного знания. Хотя он и раскрывает сущностный аспект проблематики существования человека в сфере политического и, конечно же, те детерминированные определенным образом изменения, которые происходят с ним во времени и пространстве. К сожалению, в современной зарубежной и отечественной политической науке практика рассмотрения трансформации человека политического как субъекта политического процесса встречается не часто. Создается впечатление, что что-то кардинально сместилось в изучении феномена homo politicus: он перестал рассматриваться как субъект, превращаясь скорее в продукт той или иной системы ценностей в целом либо фрагментарно, поскольку часто рассматривается как элемент нации, класса, страты, семьи. Биологическая константа, психологические особенности и социальные потребности каждой отдельной личности насильно подстраиваются под единые для всех “потребительские” догмы: нет политики в эталонном виде, есть только политический рынок, продуцируемый конъюнктурными запросами современного общества. Именно эта необходимость правильно расставить акценты в соотношении “человек — общество”, облегчить процесс социально-политического взаимодействия, порождает актуальную потребность

рационального осознания значимости взаимодействия двух указанных категорий.

Говорить об отсутствии актуальности данной проблематики явно не приходится, даже наоборот, актуальность и значение ее, как нам кажется, чрезмерно велики. Феномен человека политического всеобъемлющ и так же поддается изменениям с течением времени, как и политическая система с ее многочисленными структурными элементами, однако этому феномену недостает всего лишь более глубокого осмысления и немного иного восприятия. В целом рассмотрение процессов трансформации общества и интегративных процессов в его естественных границах, на наш взгляд, невозможно без соприкосновения с теми изменениями, которые происходят с самим *homo politicus*.

Поэтому, исходя из этого, вполне можно говорить о том, что перед автором стоит триединая задача:

1. Рассмотрение феномена человека политического как органичной активной составляющей современного общества;
2. Выведение различных типовых модификаций человека политического в зависимости от изменений в социальной системе и интегративных процессов в ее естественных границах;
3. Демонстрация изначальной кризисности современной демократии и противопоставление ей нетрадиционной антропологической парадигмы в развитии политического процесса.

“Человек политический” — категория, которая достаточно часто употребляется в различных контекстах западными и российскими исследователями политикума, в том числе и в соотношении с трансформационными изменениями социальной системы. Отечественные исследователи в данном направлении поддерживают курс своих западных и российских коллег. Именно исходя из данного факта в подборе и рассмотрении источников по этой тематике мы позволили себе отойти от привычной опоры только на литературу по политической антропологии и попытаться выделить основные принципиальные моменты в работах современных политических мыслителей и мыслителей прошлого, перенести их на отечественную почву. Здесь, по нашему мнению, наметилось два направления, по идеологическим признакам: традиционно-консервативное и либерально-демократическое; немного особняком стоят разработки отечественных политических исследователей, поскольку трансформационные и интегративные составляющие человека политического не носят здесь такого яркого идеологического, как нам кажется, характера, а скорее в большей мере сопрягаются с иными константами и факторами. Более распространённое либерально-демократическое направление представлено, прежде всего, работами американского философа Френсиса Фукуямы “Великий разрыв” и “Наше постчеловеческое будущее”. Основная идея автора лежит как раз в плоскости возможных трансформационных изменений социума и человека в период построения новой системы ценностей в конце XX — начале XXI века. В работе “Великий разрыв” автор недвусмысленно ведет полемику с видными политологами, социологами и экономистами, делая свои неоднозначные

выводы о человеке начала XXI века, о падении роли иерархии во всех сферах человеческой деятельности, корпоративности в управлении любого рода, и возможных соприкосновениях человека экономического (*homo economicus*) и человека общественного (*homo sociologicus*). Для нас важны комплексные выводы автора об особенностях человеческой природы (в том числе и политической), важно то, что автор отступает от исключительно биологической составляющей в оценке человека, то есть не характеризует его подобно немецкому мыслителю Освальду Шпенглеру в его неоднозначной работе “Годы решений. Германия и всемирно-историческое развитие” 1933 года, исчерпывающим тезисом “человек — хищное животное” [11]. Работа “Наше постчеловеческое будущее” является прогностическим рассуждением американского философа над социальными и политическими последствиями, к которым может привести развитие биотехнологий и генная инженерия. Автор размышляет над “требованием равного признания” (так называемым “фактором икс”). Данный фактор, по мнению Френсиса Фукуямы, включает не только права человека, но и — при достижении определенного возраста — политические права, то есть, в совокупности, право “жить в демократическом обществе” [9].

Традиционно-консервативное направление представлено прежде всего работой классика политико-правовой мысли прошлого столетия Ивана Александровича Ильина “Общее учение о праве и государстве”, а также работами ряда современных российских консерваторов (представленных в рамках публикации “Традиция и русская цивилизация”). Обращение к представителям консервативной мысли не случайно. Оно необходимо для более уравновешенного противопоставления доминирующей (и идеализированной на постсоветском пространстве) сегодня демократической парадигмы (с явным либеральным уклоном) и парадигмы консервативной, заполняющей, как мне представляется, все чаще возникающий вакуум в развитии современного общества и гражданина.

Феномен человека в политике (в различных контекстах) рассматривается и отечественными исследователями, здесь необходимо выделить работы Юрий М. Ф. и Павлюка В. И., где комплексно раскрыт и суммирован материал по политической антропологии; монографию Подмазко Е. А. “Общая теория политики как метатеория”, где рассматривается категория *homo politicus* [6]; монографию Холода В. В. “Феномен парapolитики: идеи, свершения, социальные результаты”, где осмыслен не только феномен парapolитического, но и активная роль человека (прежде всего как лидера) в политике [10]; Базалука О. А., который в рамках собственной неординарной философской концепции рассматривает три стадии эволюции человеческого общества, он относит современного человека ко второй стадии, называемой “Человек Эмоциональный”. По мнению автора, для Человека Эмоционального политическая деятельность вторая по степени важности после материально-технической, а “политическая власть непосредственно связана с элитой бизнеса” [1]. Однако политика все же является самостоятельной сферой и оказывает влияние на экономику. Автор подчеркивает исключительную конфронтационность и конфликтность, свойственную, по

его мнению, современному обществу, а также степень распространения силового давления как “важного средства разрешения конфликтных ситуаций до конца развития стадии Человека Эмоционального” [1].

Итак, необходимо признать: антагонизм и сотрудничество в рамках политической системы — вот что детерминирует политический процесс. Homo politicus интересует нас в большей степени как носитель власти, активная составляющая в рамках системы, закономерно подверженной трансформациям различного порядка, а общество — как генератор отношений принуждения-подчинения. Принадлежность к власти в рамках современной политической системы естественно детерминирует многие изменения человека политического. Вновь проступают некоторые скрытые моменты, присущие периоду существования потестарных сообществ и более поздних форм общественной организации. Человек власти (лидер) сегодня — есть часть замкнутой группы, семьи, клана, принадлежит некому тотему. А ведь согласно еще отцу психоанализа Фрейду, “Узы тотема крепче, чем семейные узы” [7]. Иначе говоря, клановая принадлежность и процесс активной интеграции в ту или иную властную группу является закономерной данностью современной политической системы в полной мере, и, исходя из этого, интересы масс явно не встроены в узкое восприятие современного политического лидера. В данном ракурсе удачное замечание сделал еще в 1939 году Норберт Элиас, немецкий социолог, который на богатом историческом материале проследил трансформацию психологических и политико-антропологических структур людей западноевропейского общества: “Социальная закономерность ставит находящегося в центре правителя и центральный аппарат в особое положение, причем тем решительнее, чем более специализированными являются этот аппарат и его органы. Правитель и люди из его штаба могут быть выходцами из какой угодно социальной формации, они могут рекрутироваться из какого угодно социального слоя, но стоит такому представителю данного слоя занять соответствующее положение, как он оказывается во власти закономерности. Особое положение человека, наделенного всей полнотой власти, объясняется тем, что имеющиеся в обществе интересы отчасти совпадают, а отчасти противоположны друг другу тем, что люди в своих действиях и кооперируются, и борются друг с другом — т. е. оно объясняется фундаментальной амбивалентностью социальных отношений в дифференцированном социальном объединении” [12]. В дальнейшем автор очень метко определяет человека, наделенного всей полнотой власти в государстве, как “высшего координатора” [12]. Его роль является не только координирующей, но и уравнивающей крупные политические группировки с их интересами. То есть человек политический, несущий бремя власти, — есть координатор, связующее звено, олицетворение государственного механизма (одно из его многочисленных человеческих лиц), государственный человек. Современная действительность предоставляет нам возможность ощутить все несоответствие человека, включенного в механизм государственного управления, своей истинной и необходимой роли (роли координатора). На постсоветском пространстве в большей мере заметен “человек играющий” в большую политику, чем действительно оза-

боченный государственными проблемами. Традиция “человека играющего” в политику у нас была заложена достаточно давно, но проявить себя смогла в полной мере лишь в период “перестройки” М. С. Горбачева и в первое десятилетие независимости украинского государства. Тогда человек власти, человек большой политики начал ощущать на себе, как можно удачно, а главное, практически безнаказанно и, в дальнейшем, — открыто соединить в своей деятельности политические и “экономические” интересы. Основная характеристика политика — ответственность — потеряла все свое первостепенное значение. Что же проявилось? Прежде всего, игровой момент первоначальной постановки цели и ее бескомпромиссное достижение. (Чему, например, в украинской политической практике очень часто способствуют различные недостатки существующего законодательства.) Как результат, на современном этапе в отечественной практике (вслед за тенденциями, идущими извне) можно смело говорить об антиномии “государственник” — “игрок” (либо — “компрадор” [10]) в политике. Причем первый тип скорее исключение. Второй трансформировался и в благоприятных условиях посттоталитарного периода доминирует. Причем основная масса населения, воспринимая его, закономерно отождествляет с реальным продуктом демократии, порождением когда-то находившегося в открытой конфронтации с нами капиталистического Запада.

“Все великие эпохи цивилизации являются одновременно и временами политического упадка: то, что считается великим в смысле цивилизации, никогда не соответствовало политике, было даже антиполитично”, — подчеркнул Фридрих Ницше в своем труде “Падение кумиров” [5]. Кто и что является для нас сегодня воплощением цивилизации и цивилизованности в политике? Конечно же, демократия и политики-демократы, неоднозначно влияющие на становление общества развитого капитализма во всех его позитивных и негативных аспектах.

Современная политическая система теряет свою внутреннюю первооснову традиционности (а следовательно — преемственности) и религиозности — отсюда ее изначальная кризисность и расшатанность; человек сам по себе не способен как единица к всесторонне созидательной деятельности (он слишком слаб для этого). Человек подвержен целому ряду факторов, на которые повлиять практически невозможно (они формируют его исключительную “человеческую природу”). Он материален, живет не только по социальным, но и по биологическим законам. Следовательно, его необходимо направлять во многом, в политической деятельности, в том числе. Каждая такая направленность — это сложение, строительство своего особенного типа человека политического. Он (человек политический) в той или иной степени противопоставлен какой-либо части социума (инертной в большей или меньшей степени массе), которая естественно проявляет себя, находясь в состоянии трансформации и интеграции. Современная демократическая концепция в контексте политического процесса так же выстраивает свой типаж *homo politicus*, личности в политике. И якобы данная личность — это эталон, стремиться к которому есть первоочередное благо. Однако демократия в чистом виде — доктрина, во многом против-

естественная человеческой сущности, находится за пределами природной системы гармонии, ее просто нет. А то, что есть (существует в реальной политической практике) на самом деле носит приставку псевдо-. Нельзя преодолеть гармонию изначального “природного законодательства”, заменив его искомым социальным, демократическим равенством в исключительно формальной, декларативной форме, не уделяя внимания созиданию внутреннего, содержательного аспекта. Псевдodemократическое общественное устройство зиждется на псевдоиерархии и, как следствие, “оказавшееся в условиях псевдоиерархии общество находится в состоянии сильнейшего стресса” [2].

Один из ведущих украинских исследователей в сфере политической науки В. В. Холод в своей монографии “Феномен парapolитики: идеи, свершения, социальные результаты” подчеркивает противоречивую роль демократии: “Демократия стала одним из важнейших факторов антропогенеза и стимулировала равноправное общение людей, способствовала их самосознанию, самовыражению в человеческом коллективе. Это бесспорная констатация кульминации догосударственного общежития людей. Но уже ранние формы политической демократии часто являли себя в псевдodemократическом качестве, тогда когда ее уже начала подтачивать социальная ржавчина частной собственности” [10]. Подчеркиваем — “тогда когда ее уже начала подтачивать социальная ржавчина частной собственности”. Что же тогда происходит с демократией сейчас? Можно предположить, учитывая тенденции усиления капиталистической первоосновы в нашем обществе, что скоро ожидается кульминация этого процесса (“подтачивания”), то есть в конечном счете — ожидается обрушение демократических ценностей в том эталонном виде, который продуцируется Западом (и так бескомпромиссно воспринимается, в частности, многими украинскими политиками).

Что же реально может предложить современная демократия? Свой тип управленца, свой тип человека в политике и, естественно, — механизм принятия политических решений. Наверное, необходимо рассмотреть прежде всего последнее — механизм (ведь он считается наиболее практичным и действенным). Что можно констатировать здесь? Властные полномочия, в случае применения его в эталонном виде, рассеиваются, нигилируются обстановкой сложной системы принятия решений и их непосредственного исполнения, стройная пирамида государственной власти очень часто переворачивается совершеннейшим образом наоборот (местная властная элита начинает осуществлять всевозрастающее давление на центральную, что логично проявляет ранее скрытые сепаратистские настроения, заставляет народ возводить новый пантеон краткосрочных политических кумиров в самых различных вариациях, каждый из которых наделяется ореолом многочисленных талантов). Как логическое следствие, наступает ситуация коллапса в политическом процессе. Вариантов избежать подобной ситуации несколько: первый — довериться очередному всенародному голосованию — этому первопринципу демократии, который, впрочем, на практике не всегда дает искомый результат выхода из кризисной ситуации. Ведь тут

наступает время поиска и избрания оптимального для государства истеблишмента. И здесь вновь следует привести цитату: “Модель либеральной демократии, принятая за идеал общественного устройства на Западе со времен Просвещения, обеспечивает глобальное усреднение цивилизационного уровня, иначе говоря, торжество посредственности. Это проявляется как в политической сфере, где в результате всеобщих справедливых выборов к власти приходят одинаково серые, будто клонированные овечки Долли, лидеры, так и в области культуры...” [2].

Кандидат есть практически зеркальное отображение своих избирателей. Современный избиратель в полной мере — “массовый человек”. Он деятелен и критичен по отношению к избираемым им политикам только по мере того, как, когда и кем были затронуты его личные интересы (чаще всего — экономические), в “нормальном” же положении — он индифферентен. В связи с этим нам представляется возможным произвести следующую классификацию современного избирателя: 1. избиратель, обладающий исчерпывающими познаниями в сфере политического (“критически мыслящий”); 2. избиратель, обладающий “достаточными” познаниями в сфере политического (“стереотипно мыслящий”); 3. избиратель, обладающий ограниченными познаниями в сфере политического — “аффективно воспринимающий”; 4 — избиратель, характеризующийся отсутствием знаний в сфере политического. Русский мыслитель прошлого столетия Иван Александрович Ильин дал исчерпывающую характеристику данному типу: “Бессмысленно ждать от него государственного изволения или акта, когда он настолько духовно немощен, что неспособен даже ни к политической верности, ни к политическому предательству. Строго говоря, такие люди не входят в государство, а только причисляются к нему, они суть те граждане *in spe* (лат. “в надежде”), которые пребывают, может быть, пожизненно, в состоянии полурабов, полуподданных, политически отличаюсь от животных только этим “возможным будущим”. Сегодня нам понятно, что будущее у таких индивидов, в плане построения жизнеспособного государственного механизма, представляется достаточно неопределенным. Но вновь обратимся к Ильину: “Понятно, — говорит он, — что государственный союз, имеющий в составе большое количество таких полудикарей, ведет мнимое существование, правящие “причисляют” подданных, повелевают и взыскивают с них так, как если бы те были способны к государственно-осмысленному акту. А, между тем, политическое слабоумие (*imbecillitas*) первобытной души делает ее бессмысленным орудием чужой воли, это орудие может испортиться в критический момент или перейти внезапно в другие руки, служащие иным целям, и тогда оно погубит государственное дело”. Примечателен вывод автора: “Человек, таящий в себе политическое слабоумие — не знающий о своем гражданстве или не понимающий его природы, — имеет только видимость разумного существа, и всякая политическая организация, рассчитывающая на его разум и на его волю, обречена на печальный конец” [4]. Зададимся целью сравнить положения, выдвинутые в данной цитате, с политической реальностью на всех уровнях, так сказать, существования — локальном, региональном и

даже глобальном. Используем метод включенного наблюдения, и мы увидим, что результаты будут неутешительны — количество “граждан в надежде” окажется достаточно весомым. Не удивительно, что демократия сегодня предоставляет такому электорату возможность “сконструировать” собственный тип политика, который представляет его на различных уровнях, подстраиваясь под сиюминутные потребности, которые возникают. Интеграция таких политиков в государственные структуры управления приводит к параличу центральной власти в отдельно взятых регионах и крайней степени разложения механизма принятия решений на местах (чему способствует лоббистская деятельность ряда олигархических кланов и, в меньшей мере, зависимых от них псевдополитических организаций). Подобный псевдоизбиратель и вслед за ним и избираемый псевдodemократический истеблишмент, по сути, есть не субъект, а продукт негативных тенденций трансформации социальной системы. Он продуцирует исключительно феномен парapolитики, искаженной демократичности и общего политико-культурного нигилизма (особенно если речь идет о генерации молодых людей современности, многие из которых, достигая возраста активного участника политического процесса, имеют достаточно смутные представления о политике в целом и о человеке политическом в частности, что само собой делает их “бессмысленным орудием чужой воли”).

В контексте демократической и консервативной парадигм находится парадигма политико-антропологическая, не имеющая ни яркой идеологической упаковки, ни явной тенденции к подавлению homo politicus со стороны homo economicus. Она — порождение двойственности в понимании политической антропологии как дисциплины (философская антропология рассматривает ее как науку о человеке — свободном субъекте политического действия; культурная антропология — как науку, которая занимается исследованиями политических институтов и практики в догосударственных сообществах). Путь построения ее так или иначе косвенно связан с традиционностью и той степенью меры, которую она вносит в сферу политики, где естественно царит конфронтация и открытая борьба интересов. Цель едина — подобрать ту форму власти, которая оптимально соответствует внутренним, направленным на социально-политическую организацию характеристикам нации, прошедшей собственный исторический путь становления как совокупности изначально природно не равных, но ментально единых индивидов (то есть речь идет о соответствии государственной власти некому антропокультурному коду народа).

Политико-антропологическая парадигма хороша тем, что основывается она не на абстрактных понятиях и явлениях, а стоит на твердой почве эмпиризма, исходит из принятия человека таким, какой он есть.

Вывести ее параметры — означает снять некоторые противоречия между человеком, обществом и государством, так сказать, начать перестраивать привычный для нас взгляд на политическую систему, политический процесс. Нетрадиционный политико-антропологический взгляд (парадигма) — ключ к пониманию истинной сути власти, ее несхожести с тем, что мы видим сейчас. Это отнюдь не возвращение к примату расологии, но,

как нам представляется, — метод реанимирования некоторых принципов аристократизма в политике, установление возможностей рациональной гуманизации политического процесса. Человек — первичная составляющая общества, поэтому все проявления его социальной природы изначально образуют своеобразную матрицу по степени своей объективной важности и необходимости. Роль государства сводится к раскрытию не только потенций человека экономического, но главным образом — социального, политического. (Властная элита часто забывает об этом.)

В качестве резюме отметим: 1) Человек политический является не только субъектом, субстратом, функционером человеческого общества, но и целью, продуктом деятельности общества и инстанцией ответственности за ее последствия.

2) Испытывая преобразовательное воздействие со стороны политикума, человек, в свою очередь, оказывает обратное преобразующее воздействие на него. На постсоветском пространстве получили распространение две различных типовых модификации человека политического: “государственник” и “игрок” (или “неокомпрадор — антигосударственник”, согласно В. В. Холоду [10]).

3) Демократические преобразования без рациональных ограничений не всегда носят позитивный, приемлемый для развития общества и государства характер, часто приводят к чрезмерной свободе человека, граничащей с вседозволенностью, деградации социума, появлению сильных олигархических кланов с обширными интересами и т. д. Политико-антропологическая парадигма призвана прежде всего обозначить человека как социокультурный феномен, воспринять его реальные возможности и потенциал, не ждать быстрых положительных результатов в построении жизнеспособного государства и гражданского общества, созидать становление не технократии, а меритократии, прививать обществу традиционные ценности и т. д. Стабилизация политического курса современного государства, ограничение широкомасштабных “игровых” экспериментов во внутренней и внешней политике, ужесточение ответственности каждого политика в отдельности за проводимые в жизнь инновации, сильная президентская власть как платформа деятельности “высшего координатора” — все это способно благоприятствовать процессам интеграции в обществе в период трансформационных изменений.

Политико-антропологическое исследование в целом совершенно в ином ракурсе рассматривает многие проблемы социальной интеграции и трансформации. Оно делает возможным изучение проблематики взаимосвязи человека как биологического родового существа и общества; связи типа человека и политической жизни; а также роль традиций и обычаев в сфере управления людьми, которая, безусловно, является приоритетной на всех уровнях.

Литература

1. Базалук О. А. Сущность человеческой жизни / О. А. Базалук. — К.: Наук. думка, 2002. — 272 с.
2. Володихин Д., Алексеев С., Бенедиктов К., Иртенина Н. Традиция и русская цивилизация / Д. Володихин, С. Алексеев, К. Бенедиктов, Н. Иртенина. — М.: Астрель: Транзиткнига, 2006. — 282 [6] с.
3. Головаха Є. Паніна Н. Соціальні зміни в Україні: пострадянська деінституціоналізація й особливості становлення нових соціальних інститутів // Політична думка. — 2001. — № 4.
4. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве / И. А. Ильин. — М.: Аст: Аст Москва: Хранитель, 2006. — 510, [2] с.
5. Ницше Ф. Падение кумиров. Сборник / Ф. Ницше, пер. с нем. — СПб.: Издательский Дом “Азбука — классика”, 2007. — 224 с.
6. Подмазко Є. А. Загальна теорія політики як метатеорія / Є. А. Подмазко. — Одеса: Друк, 2008. — 222 с.
7. Фрейд З. Я и Оно // Сочинения. — М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2008. — 864 с.
8. Фукуяма Ф. Великий разрыв/ Ф. Фукуяма; пер. с англ. под общ. ред. А. В. Александровой. — М.: ООО “Издательство АСТ”: ЗАО НПП “ЕРМАК”. 2004. — 474 [6] с.
9. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М. Б. Левина. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 349 [3] с.
10. Холод В. В. Феномен парapolитики: идеи, свершения, социальные результаты / В. В. Холод. — Сумы: ИТД “Университетская книга”. 2003. — 504 с.
11. Шпенглер О. Годы решений. Германия и всемирно-историческое развитие / О. Шпенглер, пер. с нем. С. Е. Вершинина. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007. — 224 с.
12. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. — Т. 2.: Изменения в обществе. Проект теории цивилизации / Н. Элиас, пер. с нем. — М.; СПб.: Университетская книга, 2001. — 382 с.
13. Юрій М. Ф., Павлюк В. І. Політична антропологія: Навчальний посібник / М. Ф. Юрій, В. І. Павлюк. — К.: Дакор, 2008. — 408 с.
14. Юрьев А. И. Человек в политике // Психология / Под ред. Крылова А. А. — СПб., 1998.

М. О. Шабанов

аспірант кафедри політології ІСН ОНУ імені І. І. Мечнікова,
вул. Центральний аеропорт, 9/17, м. Одеса, 65036, Україна,
761-62-27, +38 050 1410868.

ЛЮДИНА ПОЛІТИЧНА ЯК СУБ'ЄКТ ТА ПРОДУКТ ТРАНСФОРМАЦІЇ І ІНТЕГРАЦІЇ СУЧАСНОГО СУСПІЛЬСТВА

Резюме

Проблема становлення людини політичної в межах сучасної держави, суспільства на стадії трансформації залишається пріоритетною. У роботі частково розглянуто два загальних погляди на цю проблему: традиційно-консервативний та ліберально-демократичний. Розглядаючи їх, можна прийти до висновку, що на вітчизняному просторі існує наступна антиномія двох типових модифікацій людини політичної: “державник” — “гравець” (чи “компрадор”). Криза демократії західного взірця, відсутність у політиків відповідальності за власні дії обумовлює перегляд дещо упередженого ставлення до розвитку антропологічної парадигми в сучасній політичній науці та практиці. Людина є не тільки суб'єктом політичного процесу, а й продуктом діяльності суспільства, інстанцією відповідальності за її наслідки.

Ключові слова: людина політична, антропологічна парадигма, трансформація, соціальна інтеграція, “державник”, “гравець”, “компрадор”.

M. Shabanov

Postgraduate student of department of political science of Institute of social sciences of Odessa national University named after I. I. Mechnikov
Central Airport st., 9/17, Odessa, 65036, Ukraine
Tel.: 761-62-27; +38 050 1410868

THE POLITICAL PERSON AS A SUBJECT AND PRODUCT OF MODERN SOCIETY'S TRANSFORMATION AND INTEGRATION

Summary

The problem of a political person formation within the territory of modern state of society at the stage of transformation remains the one of higher priority. Two general opinions with respect to this problem have been partially examined in present paper: Traditional Conservative and Liberal Democratic. Examining it one can come to conclusion that in the national space the antinomy of two typical modifications of a political person exist as follows: “a believer in a strong state” — “player” (or “comprador”). Crisis of Western democracy, lack politicians responsibility for personal actions stipulates revision of prejudice to development of an anthropological paradigm in the modern political science and practice. A human being is not only a subject of a political science and practice, but a product of activity of society, an instance of responsibility for its consequences.

Key words: political person, anthropological paradigm, transformation, social integration, “a believer in a strong state”, “player”, “comprador”.